

10. Трессидер Д. Словарь символов. М., 1999.

11. Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков. Кострома, 2007.

М. А. Фокина
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЗВИЩА-ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XIX–XX ВЕКОВ

В русской художественной прозе XIX–XX веков широко используются прозвища, которые являются ярким средством характеристики персонажей, создают сатирическую окрашенность повествования и участвуют в формировании субъективно-оценочной модальности текста. Нередко прозвища создаются писателями на базе известных фразеологических единиц (ФЕ).

Отфразеологические прозвища условно классифицируются нами на составные имена собственные и нарицательные наименования героев. К именам собственным относятся характеристики персонажей, которые представляют собой переосмысленные фамилии героев. Например: *Сниткин – С-миру-по-ниткин* (Ю. Трифонов. Обмен); ср. с общеязыковым фразеологизмом *с миру по нитке*. Наричательными характеристиками являются составные метафоры, образованные по продуктивным фразеологическим моделям: *прилагательное + существительное; существительное + прилагательное*. Например: *неуёмный бубен* (А. М. Ремизов); ср. с ФЕ *бесструнная балалайка*. Эти прозвища часто используются в художественных диалогах, служат общепринятым обращением к персонажу, являются его своеобразным сопроводителем, употребляются при каждом новом появлении героя, создают его сюжетную линию. Такие характеристики представляют собой перифразы известных ФЕ, они вводятся в речь глаголами *зовут, прозвали, называют*.

Рассмотрим ряд текстовых фрагментов, где осуществляется семантизация прозвища, обнаруживаются его связи с исходной ФЕ. В рассказе А. П. Чехова «Архиерей» содержится ёмкая характеристика второстепенного героя:

«... в Лесополье священником был отец Демьян, который сильно запивал и напивался подчас *до зелёного змия*, и у него даже прозвище было: Демьян-Змеевидец» (З : 188–189).

Прозвище *Змеевидец* является именем собственным, представляет собой сложное существительное, которое мотивируется в контексте ФЕ *до зелёного змия* ‘о сильной степени опьянения (до галлюцинаций, до нервного расстройства)’. Усиление семантики устойчивого оборота осуществляется путём корневого повтора однородных сказуемых *запивал и напивался* в сочетании с наречием *сильно*. Ирония создаётся здесь контекстуальным контрастом: *священник – Змеевидец*,

т. е. пьяница, которому привиделся змей. А в традиционном представлении священный сан не может быть соотнесён со змеем, который воспринимается как олицетворение дьявольских сил (ср.: *змей-искуситель*). Смысловые связи ФЕ *до зелёного змия* с прозвищем *Змеевидец* способствуют более глубокому раскрытию несоответствия высокого, божеского предназначения священника с его пагубным пристрастием к спиртному. Герой, в представлении автора, теряет своё человеческое лицо, лик божий, строгий и торжественный вид, поддавшись влиянию беса.

В повести А. Ремизова «Пятая язва» уездные обыватели, члены городского клуба, имеют прозвища. Например: «Неизменный Грохотов Пётр Петрович, ветеринар, – *Райская птица* по морозу в одном пиджаке ходит, *лёжок ногами*, человек хоть и семейный, но бездомен... и удопреклонен: валится там, где его хмель свалит» (1 : 347).

Составное прозвище *Райская птица* имеет смысловые связи с ФЕ, в компонентный состав которых входит лексема *птица*: *жить как птица божия*; *жить как птица небесная* ‘беззаботно, беспечно’. Прозвище графически обозначено заглавной буквой, выделено курсивом. Его семантика развёртывается в динамике повествования. Если при первом представлении героя актуализируется сема ‘беспечный’ (*лёжок ногами, бездомен*), то далее характеризуется его речевое поведение: *райской птицей заливался Петруша*. Ср. с ФЕ *заливаться соловьём* разг. шутол. ‘говорить красноречиво, витиевато’: «А Петруша такое городил, такие живописал следствия, - и конца тому не было, откуда шли Петрушины речи» (1 : 358).

В пределах целого текста прозвище *Райская птица* приобретает объёмный смысл, становится неоднозначной характеристикой героя: ‘подвижный, беспечный, болтливый, многословный человек’.

Среди других прозвищ обывателей городка примечательны составные имена собственные: *Василиса Прекрасная* (‘пышнотелая, привлекательная женщина’); *Солёный огурчик* (‘тщедушный, сморщенный, немолодой мужчина’) и др. Обобщающей характеристикой уездных жителей становится авторское заключение: *Клубные члены – все свои люди*.

В рассказе В. Шишкова «Таёжный волк» в название вынесено прозвище охотника Бакланова, которое дали ему местные жители, с уважением относящиеся к знатоку родного края:

«Однажды, много лет назад, к его таёжному жилищу подъехали верхами знатные люди: это экспедиция Академии наук. Его наняли проводником; да кого же ещё и нанять, раз Бакланов знает всю округу на большие сотни вёрст? Недаром его зовут – *таёжный волк*» (4 : 349).

Ср. с ФЕ *старый волк* разг. экспрес. ‘бывалый, опытный человек, умеющий переносить невзгоды, неудачи’. Охотник привык к своему давнему прозвищу и часто использует его в собственной речи:

«И расписался: Леонтий Бакланов, *таёжный волк*»; «Бакланов вам это говорит, *таёжный волк*» (4 : 356).

Прозвище *таёжный волк* имеет позитивную аксиологическую окрашенность, является одним из средств создания образа литературного персонажа, отражающего в произведении авторскую позицию.

В романе-эпопее В. Шишкова «Угрюм-река» один из героев – Шапошников, политический ссыльный, «царский преступник». Анфиса даёт ему прозвища,

переосмысливая фамилию: *Шапкин – Шапка – Красная шапка – Красная шапочка*. Например: «Здравствуй, *Красная моя шапочка*, а я к тебе...» (5 : 261). Фамилия персонажа становится «говорящей»: создаются смысловые связи с просторечной ФЕ *под красной шапкой* ‘в армии (служить, находиться)’. Несвобода ссыльного уподобляется здесь неволе военнотружущего.

Таким образом, прозвища литературных персонажей, созданные на базе фразеологизмов или образующие смысловые ассоциативные связи с известными устойчивыми оборотами, являются ярким выразительным средством характеристики героев, отражают авторские оценки, связывают субъектно-речевые планы повествования (речь автора и речь героев), формируют сюжетные линии персонажей. Семантизация прозвищ осуществляется в контексте, где прослеживаются тесные смысловые взаимодействия лексических, фразеологических и синтаксических языковых единиц, обеспечивающих структурно-семантическую целостность текста. Наряду с другими именованиями героев прозвища в совокупности создают ономастическое пространство текста, являются одним из сигналов адресованности читателю, служат своеобразными отправными точками интерпретации, определяющими познавательную деятельность читателя.

Библиографический список

1. Ремизов А. М. Пятая язва // Ремизов А. М. Избранное. Л., 1991.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. М., 1997.
3. Чехов А. П. Архиерей // Чехов А. П. Собр. соч.: в 30 т. Т. 10. М., 1986.
4. Шишков В. Я. Таёжный волк // Шишков В. Я. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М., 1983.
5. Шишков В. Я. Угрюм-река // Шишков В. Я. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М., 1983.

М. Р. Очкасова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО» В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИЛИНГВИЗМА (ФРАГМЕНТ АНАЛИЗА)

Рассмотрение концепта «искусство» в дневниковых записях Л. Н. Толстого проводится в рамках подготовки «Словаря концептов Л. Н. Толстого как писателя-билингва». В основу создания словаря положено исследование употребления лексики и фразеологии в романе Толстого «Война и мир», отражающем билингвизм автора, а также его дневниковые записи и эпистолярное наследие. Наш словарь является идеографическим словарем, репрезентирующим лексико-фразеологические поля, позволяющие систематизировать русско-французские текстовые конфигурации.